ТЕАТР. ЛИТЕРАТУРА. МУЗЫКА. БАЛЕТ. ГРАФИКА. ЖИВОПИСЬ. КИНО.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК.

№ 11

ВТОРНИК 5-го ДЕКАБРЯ 1922.

АНСЕЛЬМ СВИРСКИЙ.

ТЕАТРЫ.

Госопера

5 декабря вторник **Гусарская любовь**	7 декабря четверг **Севильский цирюльник**
6 декабря среда **Паяцы и Коппелия**	8 декабря пятница Бенефис ДАНИЛЬСКОГО **ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА**

Госдрама

5 декабря **Вечер Мольера**	7 декабря **Слесарь и Канцлер**
6 декабря **Когда заговорит сердце**	8 декабря утром в 1 ч. по обще-доступным ценам **Самое главное**

Малый театр.

Во вторник 5 декабря **Дер.-Фотограф**	8 декабря **Мойшеле Зингер**
В среду 6 декабря **САМСОН**	В субботу 9 декабря **Дер гринер бухер**
Четверг 7 декабря **Амойд Амазик**	В Воскресенье 10 декабря **МЫСЛЬ (Дер геданк) Премьера**

ТЕАТР Рабочих Металлистов

В среду 6 и Субботу 9 декабря **Столичный воздух**	В четверг 7 и воскресенье 10 декабря **ЗВЕЗДА**

АНОНС: Готовится к постановке: КОРОЛЕВСКИЙ БРАДОБРЕЙ—Луначарского, ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРУЩОБЫ—Евдокимова, ТКАЧИ—Гауптмана.

ЦИРК ГРИККЕ.

ЕЖЕДНЕВНО БОЛЬШИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

из 3-х отдел. из 15 обширн. №№

ГАСТРОЛИ **Виталия ЛАЗАРЕНКО**

ШУТА, САТИРИКА, ЗЛОБА ДНЯ, ЛЮБИМЦА МОСКВИЧЕЙ.

АНОНС: На-днях открытие первоклассного ЧЕМПИОНАТА ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ под руководством спортсмена В. Сальвини.

Дирекция.

Харьковская Центральн. Государствен. Библиотека

ТЕАТР' ЛИТЕРАТУРА' МУЗЫКА' БАЛЕТ' ГРАФИКА ЖИВОПИСЬ' КИНО

№ 11

Вторник 5-го декабря 1922 года.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА: Харьков, Дворец Труда кв. 43. Прием от 12 до 2-х и от 7 до 8 ч. в. Об'явления за целую страницу 20.000 р. (деном.).

СОДЕРЖАНИЕ:

Стихи—П. КРАСНОГО, статьи—Л. НИКУЛИНА, Н. НОВЛЯНСКОГО, Б. ОДОЕВСКОГО, эпиграммы—САНКЮЛОТА и М. ДОБРЫНИНА, фельетоны—А. ЗОЛИНА и А. ПАВЛОВА, корреспонденция—И. МАЛОГО. РЕЦЕНЗИИ. ПРОГРАММЫ ТЕАТРОВ НА НЕДЕЛЮ.

Из книги „БЛАГАЯ ВЕСТЬ".

Зимы невыросшие дни
Укрыты белыми лисицами.
Играют снежные огни
Над всеми грезами-блудницами.

По мановению мечты
Прорвется образ, жданный, гаданный.
Он полетит, как пенный дым.
Спадающий на путь укатанный.

О, нежный образ ведь—любовь,
Замаскированная инеем.
Ее давно кочует кровь
По верным и неверным линиям.

У сердца моего свой бег
Останови на время, странница!
Любовь бежит... И только снег,
И только снег на нем останется.

Петр Краснов.

В поисках нового театра.

Каждый раз как только на сцене или около нее, в одной из неисчислимых репертуарных комиссий появляется пьеса проникнутая революционным настроением, глубокомысленные театр-сцены грустно качают головами и говорят: — Нет... это не то... это не лицо революции... тут должно быть, что то другое... со временем это придет?..

Когда же это может придти...

Пять лет уже прошло и они все еще ждут. Сколько же нужно еще ждать? Десять, двадцать, пятьдесят лет? Академический и другие театры сели на классиков. На этих реках Вавилонских они сели и плачут уже пятый год, оплакивая повидимому старый репертуар.

Когда тряхнув стариной хотят дать дорогу молодым то вынимают, из нафталина „подающего надежды" Амфитеатрова (Мария Лусьева) с какой то былиной, не то „Каширской стариной" сороковых годов. Наконец нужно же этим театрам себя показывать со стороны неукротимого устремления и тогда бросаются на пьесы А. В. Луначарского, которые очень приятны и чтении, как пособие к изучению литературы и истории, но вряд ли сценичны. Есть еще третий путь—путь пьес молодых и революционно настроенных авторов, но здесь ряд разбитых надежд начиная с „Мистерии буфф" Маяковского (кстати сказать популярное название) и кончая постановками Пролеткульта. Должно быть правы угрюмые спецы, которые уверяют, что репертуар придет лет через двадцать. Но когда и куда он придет, если на него махнули рукой. Если ему негде приткнуться и для него нет даже плохеньких подмостков, а если есть, то они заняты театральными алхимиками, ищущими новых путей, нового приема в театре. Такого алхимика обсели двадцать апостолов, в стихах, в музыке и в прозе обкладывающих все чужое и со слезой расхваливающих свой товар. Очень, очень мы суеверчивы, когда на народные деньги разрешаем в таком громадном масштабе производить маленькие опыты в области маленьких театральных исканий.—Где же выход? Даже сами спецы признали, что есть выход в области театра сатиры, где могут быть подлинные репертуарные открытия. И вот этот путь получил два развертывания. Один с тяжелым обдуманным подходом, с напряжением при опытных старых гробовщиках театрального дела. Это видите ли Театр-Студия с лекциями и туманными картинами, который в общем тоже размахнулся на десять—двадцать лет работы. Другой путь—легенький, с кондачка выросший на Епишкинском театре Миниатюр и Сатириконской штучке Аверченко в одном акте. Здесь примешано чуть чуть агитации неумной и, неискренней и театр революционной сатиры готов.—Попробуем пойти по совсем другому пути. Пусть нас обвиняют в том, что это не „планомерный" смех. (Недурное словцо — планомерный, как будто нельзя сказать проще — общечеловеческий). Но, возьмем три сонных и унылых кита, на которых стоит старый мир. Возьмем религию, веру, лицемерие... Возьмем—обывательскую буржуазную мораль—брак, семью, честность. Возьмем — белогвардейскую косность, затаенную злость распухшей печени и крепкую тупость „белой кости". Вот три основных темы и какие великолепные сатирические пьесы могут быть созданы. Из уютной обстановки с ванной и удобствами—в небо—в рай, а оттуда в белый-белый курорт на Ривьере с нашими эмигрантами и дальше прямо в кулуары парламента. Это подать остро, зло с перцем и искренностью. Главное с искренностью, потому что как-бы они не выворачивались, в каком бы свете еще не выводили Врангеля—белые нитки вылезут наружу. Плохая, но искренняя пьеса лучше четырех актной антимонии испытанного драматурга. И, наконец, не только комедией и сатирой ограничивает себя настоя

щий театр, короткая драма, балет, мелодрама и все то, что связывала лицемерная цензура всех времен и народов может здесь увидеть свет. А главное—новые пьесы здесь будут только новые и новых авторов, потому что классикам и псевдо классикам уделим мало места и, кто знает, может быть будет настоящий революционный репертуар и не через двадцать—тридцать лет, а через два, три года... А может быть и раньше. Что же касается нового театрального приема, то он создастся в театральной живой работе, а не рецептами учителей и не восхвалениями недоучившихся учеников.

Лев Никулин.

Петроград.

Артист Академич театра **Н. М. НОВЛЯНСКИЙ.**

«Непогребенные» роль Теркина.

В РОЛЯХ:

«Опять на земле». Слепой скрипач.

«Вокруг равенства» Джорж.

ИСКУССТВО, ГРИМ и ТЕАТР.

Вероятно, очень многие участвовали в любительских спектаклях, а следовательно и гримировались. И также вероятно и то, что никто из них никогда не задумывался над тем, что такое грим? Чем то мазал парикмахер, натягивал тесный, неудобный парик, наклеивал куски какого то войлока на щеки и подбородок, забивал нос и рот пудрой и выталкивал из уборной — „Готово, следующий!"

Не лучше в таких случаях положение и актеров профессионалов. Большинство из них не отдают себе отчета почему их приклеили к большой черной бороде, а не пустили бритыми. Работают над ролью, заставляют звучать металлом голос и почти никогда не задают себе вопроса: „Как я должен выглядеть, какой мне сделать грим?" А ведь грим—одна из главнейших частей театрального искусства, он в полноте своего об'ема и есть то, что дает полное сценическое наружное перевоплощение, к которому относится не только изменение лица, но и всей фигуры, походки и даже голоса. И если трудна способность внутреннего перевоплощения, то не легко дается и внешнее. Много предварительной черновой и неинтересной работы приходится проделать прежде, чем будет найдено умение в любую минуту облекать в должную форму задуманный образ. Актер, выходя из театра не должен забывать о своей профессии. Сидит ли он в кафе, или идет по улице,

щупальцы его внимания должны быть каждую минуту готовыми схватить мелькнувшее перед ним типичное лицо, необычную походку, характерный говор. Память фиксирует все выдающееся, яркое и сохраняет до момента использования всего этого в нужную минуту. Недостаточно только знать какой грим нужно положить на лицо, необходимо еще обладать и богатой мимикой. Лицо актера — это первая скрипка в оркестре его творчества. Поэтому четверть своей жизни он должен посвятить своей мимике. Молодое лицо не будет казаться старым, как не борозди его морщинами, если мускулы лица не подчиняются воле актера. Если же он преодолел и эту задачу, остается последняя и трудная часть грима—техника его. Если художник живописец, график не ограничены во времени при воплощении своих образов, то художник актер должен уметь в очень короткий срок заканчивать свое перевоплощение и тут же отдавать его на суд зрительного зала. Здесь гримера может выручить только практика, без которой техника грима не может быть достигнута. В наши дни, когда искания театра коснулись и грима, техника его должна быть развита до maximum'а. И если В. Э. Мейерхольд в своих последних постановках и заставил своих артистов играть совсем без грима, то с другой стороны целый ряд течений нового театра требует особо сложного грима. Так 3-я Студия Московского Худ. Театра в известной Харькову постановке „Принцесса Турандот" показала нам образцы стилизованного грима, употребляя, например, вместо волосяных покровов собственное кашне, или картонные усы и шевелюру. Еще более сложные требования пред'явил к гриму Фердинандов в Московском Опытном Героическом Театре при постановке „Царь Эдип", где исполнители стилизовались под античные статуи, употребляя, неизвестные старой школе, материалы для грима и волосяных покровов.

Интересным примером стилизации в гриме может служить бронзирование и позолота лиц в постановке С. П. Пронского „Али-Нур".

Н. Новлянский.

ПАМЯТИ НИЖИНСКОГО.

Он умер; почти случайно мы узнали об этом. Смерть настигла Нижинского в дни расцвета его таланта, когда он стоял перед новыми достижениями, своеобразными и оригинальными.

Балет понес невознаградимую потерю: Нижинский не оставил после себя учеников. В сущности это было и невозможно. Он не создавал никакой школы. Он не был новатором. От нарочитого новаторства всегда веет некоторой вульгарностью. А на вульгарность Нижинский был просто неспособен.

Он был одним из тех драгоценных кумиров, которыми восхищалась Европа. О нем писали, как о лучшем, талантливейшем представителе современного балета. В себе он фиксировал славу русских танцовщиков заграницей. В Европе расцвел его талант и поднялся на ту высоту, о которой мы могли только читать и слышать.

Не он виновен в том, что Россия была им оставлена. Мариинская сцена никогда не терпела проявлений творчества в своих стенах; она не вынесла силы таланта Нижинского. Путем какой то грязной интриги его заставили покинуть театр.

А это принесло хорошие результаты. Не в тисках императорского балета, но лишь на свободной сцене, мог проявить Нижинский свое исключительное дарование.

Сначала лучший танцовщик у Дягилева, Нижинский вскоре обнаружил талант балетмейстера. К тому времени он получил богатый опыт от работы с Фокиным, его окружал исключительный успех, как у публики, так и среди интереснейших предста-

вителей мира искусств. У него были широкие возможности и он использовал их полностью. Смелость его постановок вызывала одновременно и неудержимый восторг и вопли протеста со стороны критики. Новая музыка требовала новых форм, и Нижинский умел давать их в необычайных дерзновениях, в безудержных полетах фантазии.

Слава Нижинского как танцовщика началась кажется с „Жизели". И это был тот балет в котором впоследствии он чаровал Париж. Еще один замечательный успех его—выступление в „Петрушке" Стравинского, в необыкновенных стильных костюмах и на фоне замечательных декораций Бенуа. Наряду с прекрасным сложением и пластичностью, он славился силой своих прыжков; он был исключительным актером, и создаваемые им образы запоминались не только, благодаря техническим достижениям.

Как балетмейстер, Нижинский выдвинулся рядом н.больших, но смелых и изящных постановок на музыку новых композиторов, главным образом Дебюсси и Стравинского. В этих постановках он, как бы восстанавливая заветы Галеотти, далеко уходит от первобытной классики и обосновывает танец на драматическом и эмоциональном элементах.

В области танца не столь уж много оригинальных артистов, да и те, что есть, остаются обычно сольными исполнителями. Балет должен особенно дорожить теми, кто дает ему новые силы и новые возможности. Со смертью Нижинского балет, в частности русский, потерял одного из своих талантливейших руководителей.

Б. Одоевский.

ТЕАТРЫ.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР.

Тот, кто получает пощечины.

Музыка играет на протяжении четырех актов. Милые „близнецы" Тили-Поли на дудочках готовят свои номера. Запах цирковой конюшни. Хлесткие слова. Омуты глаз Зиниды. Жокеи. Клоуны. Акробаты. Консуэлла—розовая пена. Консуэлла—„утешение". Утешение кому? Красавцу Безано? Или „солнцу" старого Джексона? Или черному пауку-барону, медленно накидывающему липкие сети?

Вот в эту ненатуральную жизнь, насквозь пронизанную игрой, шутовством, трагическим восторгом, риском—Андреев бросил своего странного беспочвенного героя Тота. Зачем? Искать несоответствующую, выдуманную правду жизни? Искать зыбкое призрачное „нетленное". Приблудился пес, из чувства обиды покинувший уют своей барской конуры, теплоту своей самки, своих щенят... Пожалей его, папа Брике! Впусти его в свою конюшню...

Трагедия безвольного, безхребетного одиночки расшита пылающими красками цирка, развинченной музыки, сгущенного настроения.

Нужен уверенный актер для „Тота", уверенный в своих жестах, в голосе, в нервах, чтоб не быть захлестнутым игрой остальных участвующих. В пьесе отличные выигрышные роли для всех. Музыка из за кулис подмывает и настраивает. Играть легко и охотно.

„Тот, кто получает пощечины".

С. Б. Межинский—барон.
Рис. Г. Холмского.

„Тот" должен быть все время в центре внимания, так сказать, в зените спектакля. Ведь все это—философия пощечин, арена, бурон, царица львов—автором предназначено одному ему «Тоту». Тотику, как говорит Консуэлла.

Виктор Петипа толкует „Тота" своеобразно и по своему интересно Его „Тот"—не „великий одинокий", которому опротивело болотно-мещанское общество с его гнойным укладом и омерзительными нравами. „Тота"—Петипа обокрали, физически и морально, и вытолкнули вон более сильные члены этого общества. И он пошел искать, „где оскорбленному есть чувству уголок"... Вот он по дороге и забрел в цирк. Вот он и ищет здесь нежности, любви, утешения... Приблудился пес. Тоскующими шагами он мечется по сцене, как затравленный, озираясь по сторонам: как бы и здесь не обрушились на него удары.

«Тот»—Петипа наделен одним только чувством страданья. Он лишен гордости. При встрече с „Господином" он сжимается как то, уходит в себя, в воротник. И в слова, обращенные им к сопернику, он вкладывает больше едкой боли, нежели презренья, ненависти.

Такое толкование роли не совпадает с путанным замыслом автора, но ближе и глубже воспринимается зрителем.

Консуэллу играет Жизнева с трогательной нежностью. Барон в надежных и верных руках молодого Межинского. Владиславский должен оживить своего старого Джексона. Манчини должен вызвать чувство омерзения. Вересанов наделил Манчини этой «способностью» в достаточной мере. Карская, когда ее способности вырастут и окрепнут, будет играть Зиниду совсем хорошо.

Талантливый Петкер в роли Безано был слаб. Роль не по нем.

Спектакль насыщен театральными соками и смотрится с неослабевающим интересом.

Петроний.

Театр ГОСОПЕРЫ.

Гоп-са-са. Эта оперетта не стоит и сотой доли той шумихи, которая была поднята вокруг нее как в Харькове, так, месяц назад, и в Москве. На этот раз знаменитая поставщица оперетт—Вена не оправдала своей репутации. Несмотря на всю невзыскательность специфической опереточной публики, нужно думать, что Гоп-са-са пользоваться у нее успехом не будет.

Оперетта лишена, попросту говоря, сюжета. Все ее неестественное содержание сводится к посещению графской семьей кабачка, которому посвящена песенка Гоп-са-са. Нет ни одного забавного положения, никакой интриги, никаких опереточных qui pro quo.

Музыка, можно сказать, отсутствует. Нет ни одной, не то, что оригинальной, но просто приятной музыкальной фразы. Для мотива песенки Гоп-са-са взята какая-то нелепая полька. Из всех участвующих лиц возможность пения предоставлена только трем.

Наровская (Ганни) с обычным, присущим ей талантом давала все, что можно было дать в этой роли, не оставляя без серьезной игры драматические моменты пьесы. То-же можно сказать и о Таганском (Польди). Немногочисленные живые места во втором акте с честью выносились им на себе. Данильскому даны очень малые возможности ролью Фишбахера и она проведена им без обычного под'ема.

За исключением балета, артистами и режиссурой затрачено много сил и внимания на постановку. Жаль только, что старательное и добросовестное отношение к делу убито бессодержательностью данной оперетты.

Н. С.

„Жидовка".

Кипаренко-Дамаский—Елеазар.
Рис. Г. Холмского.

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ТЕАТР.

Вечер Гали Струве. С вечерами пластики почему то всегда обстоит неблагополучно. Может быть потому, что пластическое образование не вкладывается в школьные рамки и танцовщицы рано выходят на арену самостоятельной деятельности, не после-приобретения установленной нормы техники. В пластике о технике вообще не следует говорить. Достижения выявляются в индивидуальной работе.

Пластические танцы строятся по двум измерениям — интерпретация музыки и декоративность. Последнее приближает пластику к изобразительным искусствам и требует вкуса в рисунке танца и в орнаменте поз. И то и другое в постановках Струве совершенно отсутствует.

Программа вечера составлена невыгодно для танцовщицы. Исполнение танцев у Струве приятно по мягкости. Но эта же мягкость и интимность не только проигрывают сами, но мешают в таких экспрессивных танцах, как американский. Излишни были и характерные танцы в пластической трактовке. Большой плюс у Струве, это хорошая мимика, то, что в танце очень важно и, что встречается крайне редко.

Поскольку в афише указано, что „Галя" Струве состоит „профессором" Театрального Техникума по пластике, нас должна интересовать ее педагогическая работа. Об этом судить невозможно, так как выступавшие на спектакле ученицы занимались в других студиях. Интересно прошел марш Бетховена, но и в нем плохо проработан сюжет. Барельефы, сделанные как видно по рисункам греческих ваз, в некоторых частях удачны, несмотря на слишком тесную компановку.

Спектакль слажен повидимому на скорую руку и этим может быть отчасти объяснена его неудачность. Для окончательного суждения необходимо увидеть работу „профессора" в более благоприятной обстановке, с лучше поставленной музыкальной частью. **Од—в.**

КВАРТЕТ им. ВИЛЬОМА.

4-й камерный вечер Госуд. квартета им. Вильома.

Всякий раз, когда я прихожу в камерные вечера этого квартета, меня не меньше прекрасного исполнения волнует поистине стоическое для нашего времени отношение участников квартета к своей работе. Будучи свидетелем возникновения этого квартета в Обществе „Молодая Филармония", я с восторгом приветствовал получение им ценных Вильомовских инструментов, и могу сказать, что успехи, проделанные квартетом—колоссальны.

Помню неуверенные шатания этого ансамбля и вот, сидя на отчетном концерте я был буквально потрясен этой свежестью звучания, молодой силой, полной и крепкой спайкой. В лице самих участников: В. Гольдфельд, А. Старосельский, А. Свирский, и П. Кутьин—Харьков имеет безусловно ценных отдельных исполнителей. Отмечаю это потому, что квартет d-moll Шуберта, один из труднейших в ансамблевой литературе, требует богатой индивидуальной техники, не говоря уже об ансамбле. В последней части квартет достиг настоящего темпа. Длинноты II части были обойдены взятым живее написанного темпом. Весь квартет превосходно отделан и оттенялся драматизмом исполнения.

Квинтет Шумана исполнялся квартетом с пианисткой Е. М. Гольдфельд-Каровой. Богатство ритмических фигур, острота темпов, обаяние мелодических рисунков и полифонические трудности, все это преодолено участниками превосходно.

Шумным и заслуженным успехом пользовался артист Каченовский (бас) исполнивший несколько романсов Шуберта и Шумана.

Посетившая в небольшом количестве концерт публика тепло и дружно принимала исполнителей.

И остается один недоуменный вопрос: неужели Харьков не в состоянии выделить из себя достаточное для наполнения зала библиотеки количество публики? Неужели камерная музыка в таком прекрасном исполнении хуже всяких атракционов. И почему государство так безучастно относится к своему „государственному" квартету? **И. Дунаевский.**

ТАБАКЕРОЧКА.

Театр старины.

Это — табакерочка. Она бессильна идти за современностью, за бытом революции. И она уходит в глубь седого прошлого, времен кринолинов, маркиз, Пьеро, в репертуар старинных гравюр и фарфоровых безделушек.

Современный зритель на этих безделушках чувствует себя так, точно на отдыхе ему подвернулся под руку старинный роман. Он лениво перелистал его. Остановился на какой нибудь случайной странице. Улыбнулся чему-то далекому. Вздремнул: к дреме клонит. Книга выпала из рук...

Вот все существо постановок „Табакерочки". Смотришь старинные, выцветшие портреты в художественных изящных рамах. Смотришь, а потом забываешь о них..

Большое художественное явление в этом театре—Виктор Хенкин. Этот актер на все руки мастер, отлично владеет искусством перевоплощения. Свое интересное дарование он раздает пустякам изящным, художественным мелочам. А между тем его место на большой и серьезной сцене.

Поет, вернее выплевывает, выкрикивает ресторанные песенки, гнойные, злокачественные. Д. Оленин. **П. И.**

ЦИРК

Лазаренко.

— Сколько? Десять или двенадцать? 14?! Отлично! Скрылся за кулисами, через секунду вихрем промчался на середину арены, оттолкнулся от земли. перед человеческой гирляндой, пролетел стрелой над нею и беспечно радостный благодарил зрителей за аплодисменты.

Виталий Лазаренко.

Тот самый, о котором не так давно Всемирная Иллюстрация писала, поместив его портрет:

„Известный клоун - Виталий Лазаренко на днях показал рекорд неустрашимости. Он стал вверх ногами на решетку на краю крыши высочайшего дома в Москве (в Гнездниковском пер.). Проделал он это из любви к искусству к сильным ощущениям. Если бы у него закружилась голова во время позирования фотографу, это был бы его последний экспромт и самый смертельный из всех сальто-мортале. Но он и стоя вверх ногами не переставал острить и улыбаться"...

Виталий Лазаренко является ярким представителем клоунады. Его сатиры беспощадно метки, остроумны и неожиданны.

Великолепен его „разговор по радиотелефону" с Европой. С его участием в Москве была недавно снята кино-картина под названием „Девьи горы", где Лазаренко играл Чорта, а Антихриста артист М. Худож. театра Подгорский. Вас Каменский заканчивает для него специальный кино-сценарий.

Цирк—это его религия. Он с ужасом думает о том часе, когда и он станет „беззубым клоуном, истасканною клячей". В своей изящно изданной крохотной книжечке стихов, он радостно гремит:

„Вот эти мускулы—они еще стальные
Вот в этом сердце жизнь трепещет и кипит,
Да, умереть хочу я в года молодые
В часы, когда мой цирк от вызовов гремит.

. . . . . .

И в свой последний час, очнувшись от ушиба
Я вспомню, что себе такой конец желал.
Окинув взором цирк, скажу судьбе «спасибо»,
В последний раз вздохну и прошепчу «финал».

В. Вейгеров.

Концерт А. Свирского.

Концерты Свирского являются своего рода выставками, демонстрацией достижений молодого артиста. Отчетный концерт является уже третьим за последний год, и надо констатировать, что скрипач обладает богатейшей техникой: безукоризненная правая рука, легкость исполнения труднейших технических пассажей. Это позволило ему дать нам на этот раз многообразную программу, которая в целом прекрасно была выполнена артистом. Звук далеко отстает от техники Свирского и лишен теплоты и искренности, будучи внешне полным и красивым. Классические произведения звучат у артиста сурово и спокойно—это в смысле звука индивидуально подходит к Свирскому. Но эта же суровость звука, перенесенная на современность или граничащие с современностью произведения, мешает полноте впечатления. Я не буду останавливаться на отдельных номерах программы, в которой скрипач блеснул своей виртуозностью. Программа заканчивалась труднейшими произведениями Изае и Сарасате и та легкость, с какой артист их исполнил, позволяет сказать, что в лице А. Свирского мы имеем блестящего скрипача.

Собиравшаяся в незначительном количестве публика (где же, помилуйте, Свирскому конкурировать с Эрденко) шумно приветствовала артиста, а некоторые номера вызвали общее восхищение.

И. Дунаевский.

Концерт К. А. Максанина.

26-го ноября состоялся концерт преподавателя Народной Консерватории по классу пения—Конст. Алексан. Максанина.

Являясь учеником профессора Прянишникова, К. А. Максанин в свою очередь передал своим ученикам все те достижения, которые он приобрел у своего талантливого учителя. Жаль, что в Народной Консерватории так редко бывают концерты; в Харькове вообще хорошее сольное пение очень редкое удовольствие, концерт же с участием такого прекрасного вокалиста, каким является К. А. Максанин, может дать большое художественное наслаждение. Среди учеников его особенно выделялись: 1) Белогородская, исполнившая арию «Гориславы» из оперы Глинки «Руслан и Людмила». Немного ослабляет впечатление этого сильного и красивого голоса—некоторая неритмичность, с которой была пропета вещь, но надо думать, что в процессе совершенствования это сгладится. 2) Ольхова, вместе с К. А. Максаниным, исполнившая дуэт «Купавы с царем» из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка», обладает не очень сильным, но прекрасно поставленным голосом, владеет она им в совершенстве и поет с уверенностью законченной певицы, чего про других учеников сказать нельзя. Про Новикова, выступившего вместе с К. А. Максаниным, в дуэте «Враги» из оперы Чайковского «Евгений Онегин», можно сказать, что он вполне может разделить успех, выпавший на долю исполненной им арии даже с таким партнером, как К. А. Максанин.

Вообще про учеников К. Максанина нужно отметить, что голоса у них настолько хорошо поставлены, что даже самые слабые из них звучат прекрасно в таком скверном, в отношении акустики, помещении, каким является зал Народной Консерватории.

Остается пожелать, чтобы в Народной Консерватории устраивались концерты почаще и чтобы помещение было хоть немного расширено, так как нужно дать возможность послушать хорошую музыку и широкой массе.

МАЛЫЙ театр.

Вечер стаж-врачей.

Дурная погода. Туман, сырость. На грязной, темной набережной небольшой театр. Афиша: танцы до утра. У кассы толпится танцевальная публика. По привычке ожидаешь халтурного спектакля. Ведь именно случайные вечера служат обычным местом приложения халтуры.

И вдруг видишь другие лица. У входа за кулисы много артистов. Академический театр. Опера,—«лучшие силы»; да, лучшие!

«Ниобея» идет в настоящем темпе. Видно, что к пьесе готовились, были репетиции. Видна добросовестная режиссерская работа. Ниобея—Жизнева.

Фарфоровые Куранты, такие простые и изящные, захватывают внимание зрителей. Хорошее пение; не зная, не скажешь, что Л. Горская и А. Троицкая драматические артистки.

Их вокальный успех оспаривает Веселов. Поет «Пару гнедых».

Виктор Петина читает моноло из Женитьбы Фигаро и остроумный, вызывающий смех, рассказ Амфитеатрова.

Смеются, слушая известный всем рассказ Чехова в талантливом исполнении Владиславского. Радостно встречают старого и любимого знакомца Боба-Гобкинса—Кара-Дмитриева.

Но особенно напряжено внимание зала, когда выступает Борис Плетнев, исполняющий татарский танец. Он весь—полет, радость, сознание силы.

Еще один танец, совсем противоположный—восточная лень, медлительность. Асенкова изгибается в истоме; гибкость изумительная.

Мастерская мелодекломация Васильева, пение нашего лучшего певца Кипаренко-Даманского.

Вечер кончается. Усталый Дунаевский встает из-за сердившего его, расстроенного, глухого инструмента.

Из светлого зала снова выходим на сырость, под дождь.

Н. С—ва.

Детская опера.

Снегурочка.

Можно было бы начать рецензию со старого спора о том—должны ли быть артистами театра для детей тоже дети или взрослые. Но постановка и исполнение отчетной пьесы не допускают таких принципиальных подходов.

Впечатление?.. Переполненный детьми зал, непрерывный шум во время хода пьесы: родители и наставницы вслух объясняют маленьким зрителям происходящее на сцене. Семь пяти-десяти-минутных картин с получасовыми антрактами. Пьеса с бессмысленным, не оправданным содержанием, в неудачной инсценировке потерявшим все своеобразное обаяние сказки. Почему то заглушенные, плохо слышимые слова и пение. Слабая до нельзя музыкальная часть, неподходящий для детей балет, беспомощность актеров детей и фальш актеров взрослых.

Играет, поет по мере возможности и вообще серьезно относится к делу одна Милославская. Она ведет и выносит на себе весь спектакль, и нужно думать, что она достойна лучшей участи, чем выступление в таком ансамбле.

Н. С.

„ЭПИГРАММЫ".

К постановке „ОРЛЕНКА".

(Для любителей зоологии).

У рутинеров посветлели лица.
У них не встретишь недовольных губ.
— Не нужно вовсе в небе «Синей птицы»,
Когда имеем мы «Орленка» *в суп.*

Антрепренерское.

(Из оперы «Крокодиловы слезы»).

Ах, Неэ! Как он жесток и лют.
Театры самоокупаются,
И уж не только не дают,
Но в подаянии нуждаются.

Самюлот.

Аксарину.

Важный вид, надменный, барский
Отпустил вам славный бог.
Но сознайтесь... Луначарский
Вам порядочно помог.

Жизневой.

Вы прикраснее Дианы,
С этим спорит лишь дурак...
Но вот образ Монны Ванны
Вами понят был не так.

Кара-Дмитриеву.

В кабарэ ты бог и кесарь,
Это нам известно всем.
У тебя зато вот слесарь
Вышел, Митя, не совсем...

Качурину.

Говорят что вы не барин
Любит здесь вас меньшинство
В этом даже сам Аксарин
Уступает первенство.

Марк Добрынин.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН.

СИЛЬВОМАНИЯ.

В Москве в числе всего десяти театров имеется целых три опереточных: „Эрмитаж", „Петровский" и „Московская оперетта". Во всех гвоздем сезона оказалась „Сильва".

Бедная Москва.

Каждый вечер, трагически надрывая голос, она сразу в трех театрах воет:

„Сильва ты меня не любишь".

А вслед за ней из десятков ресторанных глоток на улицы визгливо вырываются стоны оркестров.

— и все на ту же тему,

„Сильва ты меня не любишь"—стонут граммофоны (опять воскресли)

„Сильву" поют папиросники, ирисники и все кому только приходят в голову хотя бы для себя пропеть что либо.

Заколк «Сверчок на печи».

„Принцесса Турандот", „Принцесса Брамбилла" и прочие принцессы вынуждены были отойти на вторые позиции,

— чтобы уступить место этой парвеню Сильве.

И только тем утешали себя вчерашние фаворитки толпы, что время от времени „Сильва" сменяется „Принцессой долларов".

— все-таки принцесса.

Какой то шутник пустил по Москве слух,

— будто сильвомания начинает проникать даже в оперу,

— будто в „свободной опере Зимина" даже первые артисты, справившись в кассе о ее настроении, начинают вне всякого предвидения петь

— «Сильва ты меня не любишь».

Носятся слухи, будто „еврейский театр музыкальной комедии", что на Никольской № 9, построил у всех входов баррикады от Сильвиных напевов, но они проникли через фундаментальные стены и теперь даже еврейский театр будто готовит „Сильву.. на чистейшем жаргоне.

Впрочем эти слухи еще не проверены.

* * *

Однако стихия Сильвомании начала не на шутку беспокоить редакцию нашего „Театра".

«Не наше это дело беспокоиться о театральных вкусах Москвы»,—говорил некто:—Нас тревожит только как бы эта сильвомания не охватила и нашего Харькова".

Совещание было чрезвычайно многолюдным. Одних сотрудников было несколько сот человек

Все шумели. Волновались.

Лично я доказывал, что большой опасности нам не угрожает,

— после „Лилюли" не страшна нам даже сильвомания.

Туркельтауб на этот раз почти соглашался со мной

Уразов плакал и приговаривал:

— Если и у нас везде пойдет только Сильва, то журнал „Театр" умрет: неудобно будет ругать все время одну только пьесу.

Одоевский, Гатов, Коссовский и прочие поэты на этот раз отказались от свойственной им игривости и начали тут же на собрании слагать трагические сонеты и острые уколы.

Все прочие сотрудники требовали,

— чтобы редакция не выносила никаких решений до тех пор, пока не выяснятся причины столь невиданного успеха «Сильвы» в Москве.

— Предлагаю немедленно же откомандировать в Москву делегатов на предмет выяснения причин сильвомании,—предложил всегда благоразумный Лейтес.

— А пока предпримем анкеты по этому вопросу здесь в Харькове,—заметил начавший успокаиваться Измаил Уразов.

Оба предложения были приняты единогласно.

В Москву были отправлены случайно проезжавший из Одессы И. Малый и другие, имена которых пока остаются в секрете.

(Продолжение следует).

Алекс. Золин (Френч).

Осенью, когда не светила луна...

Безлунной осенью горят „тысячные" лампы у входов в театры... Веселые лица, нечитательные взоры юношей, будущих актеров, „визитки", погруженные в раздумье о задержавшейся мануфактуре в Москве, просто «барышни», хохочущие впопад и невпопад. Но меня не трогает, не волнует зритель. И я решился наполнить свои легкие—воздухом кулис театров столицы Украины.

Осенью, когда почему-то не светила луна, я начал обход... Вечерняя Екатеринославская... Пройдя железнодорожный мост, я спустился вниз, туда, где мигала скромная в 150 свечей лампа. «Железнодорожный театр „Рабочий". „Без вины виноватые"... Шумит зал. Идет 2-ое действие. Это холодногорцы шумно реагируют на игру «под Блюменталя». Кулисы. Уборные. Старается парикмахер. Гримирует. Тон и румяна—большего не полагается. Актеры—служащие управления южных дорог. Антракт... «Окно есть?» —«Да было когда-то, да кузинцы забрали".—«Ладно. Без окна!"—решает „находчивый" режиссер. «А куда же мне смотреть?" «В публику!» Мизансцена меняется! Член правления ежеминутно бегает за кулисы... Когда же начало. Сегодня ведь „Д"*) смотрит»—„Хай би твій ДЭ фанери б нам дав, а то бачишь не хвата вставкі". Третий звонок и... исчезла актриса, начинающая акт. «Где что, как?" Все в волнении. Рабочие ухмыляются «Ну и актеры!».. Является... „Где пропадали?»—«Да, я рядом живу. Дочь прибежала сказать, что тесто поднялось. Я ведь завтра именинница». Режиссер через отверстие в занавесе отыскивает „Д" в зале—и довольный кричит—«Давай». Шум возрастает в зале. Зритель, в большинстве,—детвора, пришедшая, после делового дня, с ящиками (чистильщики обуви), лотками (папиросники). Весело, молодо, непринужденно в зале. Тут же, во время монологов, идет и торговля... А за кулисами идет ругань. «Обещала принести белые туфли, где же они?"—„Что же, я, костюмерша!" Спор разгорается...

* * *

Театр б. Сарматова... Идет что-то восточное. Актеры в чалмах, шароварах цветных... Медведев перед выходом очищает нос à la russe (направо, налево, да обзень). Дирижер в „защитном" нервно стучит палочкой: „выход, выход"... А внизу, где мокрые, сырые уборные, перед трюмо кокетливо кружится балерина и без конца белит ноги. Слышится энергичное «подавание» суфлера. Видятся ноги электротехника. В т. н. костюмерной семья (отец, мать и сын) мирно беседуют о топливе, халтуре... Спускается Медведев. „Когда-то биссировал этот номер".—Следует «направо, налево».. Раскланиваюсь с дирекцией (опечаленный гамлетовский взор: «быть или не быть!»). Прощай Сарматов. Навсегда!

* * *

А, вот и детище Аксарина. Екатерининский театр. „Петипа, Дюкло, Плетнев"... Все, что хотите. Лишь бы было полно в зале. Здесь за кулисами солиднее. Что ни говори, актеры ведь из Академического. Почти каждому по отдельной уборной. Уборные с плесенью, грибами, хотя зал и фойе побелены, выкрашены. Актеры (премьеры, конечно) поругивают дирекцию за предоставленные удобства (тепло, светло, чисто). Разве угодишь актеру? Молодые же про себя ругают. Все таки быть актером Академического театра—что-нибудь да значит! Почтительно сторонятся маститого монтировочного режиссера. Тихо. Серьезно. Умные лица. Помощник спокоен за декорации (в госдраме хватит, припас «старик»). Петипа нежно хлопает по щеке Женьку-парикмахера „барабанщика" (когда то за паек халтурил—в полковом оркестре). Часто влетают за кулисами слова: „Холмский", „тарифная комиссия" и проч... Сильно пахнет одеколоном на сцене—не то от актрис, не то от рабочих. Корректный суфлер, в будке, чертит в записной книжке монтировку идущей пьесы (пригодится, entre nous, он в режиссеры метит). Одним словом за кулисами Екатер. театра—очень солидно. Все люди благонамеренные. У выхода на улицу—наталкиваюсь на принимающего деньги от кассирши. Косой взгляд на меня: „И сотворит же бог контрамарочников!" „Папирос, посольских". „Пойдем, милочка». 8 лимонов номер".. Кишит народишко. Отдает дань осени... Ну, куда теперь отправлюсь я? В Муссури—на Тамарина.—Успею. Там ведь кончается спектакль так часика в 3 ночи.

* * *

Табакерочка (театр понюшки)... Неволин (он же и директор) с видом Наполеона. Все знает, все видит, все понимает, но мало ощущает. Юлит Ниночка, белокурая парикмахерша, любимица и гроза всех харьковских актрис. (Все дамские парики имеются только у нее). Менделевич бродит по сцене, отыскивая „гвозди" вечера. На сцене угорелые рабочие и помощник. Их девиз: антракт минуточка! Пыль нежно пудрит суфлера, неуспевающего вылезти из будки. За кулисами много поэтов и музыкантов (непризнанных пока). Довольно уютно в пожарном отношении. Актеры почему-то беседуют горячо о брилиантах и „рыжиках".

*) «Д»—начальник движения.

Госакадемтеатр. Кулисы... Лестница у входа в тайник театра—заполнена рабочими. Спор. „Где жил Кипаренко-Даманский—на Песках или на Ивановке?" Спит, склонившись на перила, крохотный человек—портной. В уборной натягивают „лодочки" на боронихинские ножки (как забыть суворинский театр!)... Полушепот в уборных. Коврики. А в углу—в парикмахерской, сидит сгорбившись Федотов. Художник-гример. Кряхтит целый день над шитьем парика для „джентльмена". «И вот так всю жизнь!"—говорит встречающий меня его взгляд. Суматоха. Кончился акт. Выныряет из люка мебель. Вылетают вверх ковры. „воздухи". Громоздится пав льон. Три режиссера. 2 помощника и овещаются у суфлерской будки (Академ"ия, черт побери!)

Бродят тощие актеры. Мечтают о запрещенных плодах—халтуре и прибавке жалованья. Юркнет иногда низенький человек—гл администратор. Хлопнет иногда по плечику (так, знаете, ласково) молодой актрисы. Все чинно, благородно. Во всем видна работа по пересозданию актера и воспитанию его.

* * *

Госопера... Антракт. Невообразимая давка. Это прогуливаются очень нарядные люди, (фойе, извините, за клубом „Грядущее" остал сь). Вечно суетливый, с вечно озабоченным лицом летает директор—Арканов. При входе за кулисы—окрик: «Пропуск?»—„Свой"... Начинается спор, кончающийся тем, что я все-таки проникаю в „святые святых» госоперы. „Носит их нелегкая, вчера серьги пропали", провожает меня озабоченный кап льдинер. Важный электротехник устанавливает „щиток". С колосников доносятся квалифицированные словечки. На сцене Осип Герасимович—крошит во всю левую сторону, не могущую отыскать полупланника. Вечно напевающий и редко напивающийся режиссер громит рабочего за дырявые станки. „Ну, хорошо, а если я пущу сто солдат по этим станкам?»—«А мне что, давайте материал"—„Да. что я вам дирекция!"... Очень крупный разговор... Помощник с утиным носом ежеминутно смотрит в контрольную дыру занавеса... Любознательный человек! Слышатся рыканья певцов. Кха-кхе—го-га-га-г-"... Откашливаются старички! Озлобленная костюмерша зашивает костюмы. Бутафор беседует с хористом. „То-ли дело—пели-то когда-то". Он весь в прошлом. Поплевывают в подвале (т. н. фойе для оркестра) музыканты. Шток пробует настроение рояля, кажущегося ему всегда расстроенным... Третий сигнал. Визжат хористки... Вообще весело, шумно, но театр здесь утерян.

Повернув обратно, лечу через Благбаз, спешу попасть в Муссури. Увы, кончается только 2-й акт. тут за кулисами—база халтуры. Мебельщик показывает, с довольной улыбкой (насилу отыскал) мебель (без спинок и ножек—стулья). „Портьеры есть?"—„Украли". На сцене смешение директоров, директрисс, уполномоченных, администраторов (Тамарин с сошкой—семеро с ложкой"), поклонниц, актеров, «Куда корзины с цветами?"—„На рояль". —„Пошел к черту, у меня на рояле реквизит». Всеволод Блюменталь-Тамарин спускается по лестнице из уборной—глянуть как и что. Доволен (хуже обставляли). Визжат девочки, гонимые рабочими. Вдруг пробегает крыса. Все поглощены ею. „А что много здесь крыс?» «Нет здесь мало—их в опере много—страсть музыку любят». «Прошу посторонних убраться со сцены», орет помощник. «Саша, дай «бычка» дотянуть, получу за халтуру, «посольскими» угощу... «Почему не начинаете, у-у-у, мерзавцы!» „Лестницу давай!»—„Нету, Мишка в том году спалил".—«Давай двери». И старший машинист водружается на своеобразной «лестнице». Привязывает к подвесному потолку лампу, кою забыли впопыхах подвесить. Лампа не держится. «Дайте палочку!» Итут минут пять палочку. Приносит бутафорша карандаш. «Богадельня, а не рабочие!», возмущается бутафор. Содом... «Черти полосатые, начинайте-же!» багровеет гастролер. Тишина. Пошел занавес.. Дмухановский судорожно зубрит роль. Нет времени!.. Один даже ухитряется выйти с ролью на сцену. Помощник спорит с музыкантами. нежелающими выходить на сцену. «Знали-бы, что придется играть пред публикой—иные бы условия заключили». Помощник потихонько подталкивает их и, наконец вытесняет на сцену. В продырявленные вставки павильона—смотрят жадно поклонницы. Электротехник ловит крысу. «Тшш-Тссс!»... А там,—наверху, актеры ожидают четвертого действия. Некоторые без брюк. Отданы играющим в третьем акте. О. фрачные брюки!. Спорят о том, что нужно соорганизоваться, об'единиться в сильное ядро халтурщиков, дабы противодействовать эксплоатации. Пользуясь отсутствием Тамарина обогревается в его уборной, отопленной, какследует. Что такое? Крики, визги.. «Летят тамаристки» за кулисы. „Ах, Всеволод Александрович, чудный, Вы так играли!» При выходе—из конторы слышны громкие резкие возгласы (дирекция театра и дирекция халтуры—сражаются).

На улице сияет уже луна. Домой!

Александр Попов.

Театральная Одесса.

(От нашего корреспондента).

Пожалуй—это так:
— Театральная Одесса,
а не
— Одесские театры.

Вот открылся зимний сезон..

И в быв. Городском театре, ныне—имени Луначарского, как в „доброе, старое время" запевает:

— Опера.

Я попал на „Кармен".

Хорошо играл Хозе (Селявин), мило пела Кармен (Лукашевич), страстно танцевала Арлезианка (Пушкина), дирижировал—как будто—Бизе (Прибик)...

А мне почудилось, что в истории 1902 год, живу в Харькове и впервые 6-ти летним мальчиком попал в театр... Тогда это было очень театрально, а теперь... те-же статисты, даже та-же казарма... Согласитесь, что было:

— Скучно.

В дальнейшем—захандрил „Фауст", закашляла „Травиата", зафлиртовал „Онегин", заплакала „Русалка", закаркала „Пиковая дама" и распроклял „Демон"...

Вывесть „оперу" из заколдованного круга взялся:

— Директор распорядитель.

(Это ли не знамение времени!)

Последним—выписаны гастролеры:

— Аврелия Добровольская.

— Известный тенор Викторов.

— Знаменитый бас Пирогов.

Пирогов скоро.. выступил из оперы „Севильский цырульник" и вступил в контакт с... публикой.

ДОН-БАЗИЛИО. „Это вам не светопреставление, а мировая революция".

Видно, не настала еще мировая революция, потому что не разрушен консервативнейший театр.

Поэтому—готовится к постановке:

— „Сильва".

В русском театре имени... Шевченко:

— Одесский Драматический Театр.

Была бы для одесситов своя „академия", если бы не вывеска:

— Дирекция Борисова и Круглякова.

В труппе—производственной частью ведает Н. Собольщиков-Самарин, а производители: В. Макавейский, Дубенский, Ляров, К. Гарин, Чернецкий, Смельская, Ковалевская, Пиварович, Зорич.

На „открытие" была приглашена „Мария Тюдор", завязался „Роман", покружились „Вокруг равенства", но „Самое главное" в „Овечьем источнике"...

Постановка „Фуэнты Овехуна" Лазаревым вполне приличная для провинциального театра. Ничего оригинального, много подражательного, зато срепетована прекрасно и идет концертно.

Рядом с «академическим» помещается—„Крестьянский Дворец", который в переводе на украинский, есть:

— Селянский Будынок.

В нем играет „Комедия и Сатира", под главным режиссерством Борина.

Но нет в этом театре—ни сатиры, ни комедии.

Согласитесь, что „Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем"—по существу:

— Литература, а не театр.

Новая пьеса „Былое" (в Одессе читают „Билое") есть никчемная переписка чиновничьих канцелярий, забытая каким нибудь бездарным губернатором, при поспешной эвакуации.

И свидетельствует она, что В. Рышков болен болезнью, которая именуется:

— Собачья старость.

Есть еще и театр миниатюр „Гротеск"—тоже с „Директором", но:

— Без репертуара.

В труппе „балаганщик" Барбе, „краснофакелец" Иванов, разменявший свое дарование на пошлые миниатюры, главный... бухгалтер Гольдфанден, который вкупе с „дирекцией"—скрывает имена авторов и, меняя название пьес, уклоняется от уплаты „авторских"... Забыл еще и о Е. Гартинг (когда то подвизалась в журнале „Рампа и Жизнь"), которая исполняет „лукавые рассказы":

— Для животных.

А животных в Одессе много и обслуживает их не только „Гротеск".

В этом—ему содействуют многочисленные «малые театры» и «кино»,

В первых—подвизаются:

— „Великий Шмуль", „Дамочка с пружинкой"—или обнажается—„Яма", иначе—„Как дошла ты до жизни такой"...

А в кино—попрежнему—сенсации, интерес которых определяется... цветом.

— „Белый" ужас, „Синяя" рука, „Черный" ящик, „Лиловая" бумага...

Среди разбушевавшегося моря обывательской пошлости—стоит непоколебимо единственный в Одессе культурный театр:

— Массодрам.

Может быть его не смыли волны мещанства, потому что во главе театра, молодой и талантливый режиссер:

— А. Д. Трепалев.

Это он зажег вдохновением театральную молодежь и все они, не взирая „на голод и холод" работали день и ночь.

Поставил А. Д. Треплев — „Электру" Гофмансталя, а—Каменский (Орест), Гоарик (Электра), Гарчева (Хризотемида), Аристона (Клетемнестра), Треплев (Эгист) и др. своей игрой захватили зрителей и потрясли их сердца... Явление необычное для нашего театрального безвременья.

„Вечер памяти А. Блока" подтвердил, что „Гостеатр Массодрам"—светлый луч в Одессе. Большая статья, переломленная сквозь призму театральных инсценировок—открыла нам душу „Балаганчика", „Скифов", „Розы и Креста"... заставив скорбеть о безвременной смерти любимого поэта

Может быть „Массодрам" устоял и потому, что работает вдали от развратной и нахальной Дерибасовской, приютясь в фойе сгоревшего театра Сибирякова. Таковы противоречия сегодняшнего дня, когда лучшие театральные здания сданы „директорам", а гостеатры ютятся на задворках...

— Жив ли, „Леон Дрей"?
— Слава богу! Просил, даже, кланяться!

Исидор Малый.

Одесса, XI. 1922 г.

К 40-летнему юбилею сценической деятельности украинской артистки М. К. Заньковецкой.

15 декабря исполнится 40 лет сценической деятельности знаменитой украинской артистки М. К. Заньковецкой. В Харькове организовался юбилейный к-т по устройству юбилейного празднования. В президиум к-та вошли т.т. Грудына, Красовский, д-р Богопольский и т. Пец. Празднование предполагается провести очень торжественно и широко. Будет устроен концерт с участием лучших артистических вокальных сил города Харькова.

К участию в лекционной и литературной части работы приглашены литераторы и писатели: проф. Белецкий, Айзенштох, Мамонтов и др. Издается брошюра—биография юбилярки и ее значение для украинского театра, национального и культурного движения на Украине, а также портрет ее на открытке. Празднование юбилея будет не только в центральных театрах, но и в рабочих окраинах. Представителя президиума к-та можно видеть в театр. Техникуме (Сумская 34. от 5 до 10 ч. веч.,—т. Грудыну и в Социальном музее имени т. Артема (б. д. ВУЦИК'а), от 10 до 4 ч.) Очередное заседание к-та во вторник 5 декабря в 12 ч. дня в Социальном музее им. тов. Артема.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ ЦЕНТРСЕКЦИИ ВСЕРАБИС

выполняет всевозможные ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ как-то: портреты, шаржи, карикатуры, иллюстрации, обложки для книг, журналов и нот, художественная промышленная реклама, знамена, театральные декорации, бутафорию, гравирование по дереву, металлу и линолеуму, альфрейные работы, роспись и покраску зданий внутри и снаружи и т. п.

Работы исполняются срочно и аккуратно.

Прием заказов ежедневно (кроме праздников) от 12—3 час. дня. Дворец Труда кв. 43 и в мастерской Отдела—Конторская ул. № 33.

Магазины САНИТАРИИ и ГИГИЕНЫ:

1) Площ. Розы Люксембург—угол Троицкого пер., рядом с аптекой бывш. Н-ков И. Лапина (14-я Соваптека).
2) Московская ул. № 6.

Портной ПИСАРЕВСКИЙ

Саммеровский пер. (быв. Харинский).

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ.

Портной МАРОН

ВЕТЕРИНАРНАЯ 9.

Прием заказов и ремонт МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ.

ХРОНИКА.

— В Харьков прибыл директор Киевского драматического театра Ларский.

— Вопрос о гастролях в Харькове Киевского театра Шевченко, одного из самых интересных по достижениям на Украине, надо считать почти решенным в положительном смысле.

— 7-го декабря состоится второй спектакль театральной студии Пролеткульта.

— Работы по созданию социального музея начаты. 12-го числа состоится открытие первых отделов. В дальнейшем после ремонта помещении, будет приступлено к полному осуществлению программы музея, величайшего до сих пор по широте поставленных задач.

— Вскоре в Харькове будет выходить еженедельный иллюстрированный литературно-художественный журнал по типу «Нивы».

— Госуд. изд-вом принят к напечатанию ряд новых книг, в том числе книги рассказов Н. Хвильового и И. Уразова.

— В театре «Сказка» состоялась читка пьесы «Хубеане», идущей следующей постановкой.

— К юбилею Заньковецкой будет выпущена книга о творчестве артистки.

— В ближайшее время в Харькове состоятся гастроли Кузнецова.

— Вернулся из Берлина б. ректор Харьковской музыкальной Академии проф. П. К. Луценко.

— В издательстве Гржебина выходит книга В. А. Каралина 17-й год, представляющая собой первый том воспоминаний Книга посвящена первому и последнему дню учредительного собрания, Брестским переговорам и убийству Мирбаха.

ОТВ. РЕДАКТОР: *И. А. УРАЗОВ.*
Редактор—КОЛЛЕГИЯ.
ИЗДАТЕЛЬ: Из-во «Театр» в лице *Н. А. ЛАНД-ФРИД.*

ПОРТНОЙ М. М. Затковский
Ветеринарная 16.
Прием заказов мужского платья.
ЦЕНЫ УМЕРЕННЫЕ.

ОБУВЬ
Рижского производства
„Собственный Труд"
Прием всевозможных заказов
П. М. ГОГИС.
Ул. К. Либкнехта (б. Сумская) № 24.

ВЕНСКАЯ
ЗАГОТОВОЧНАЯ
МАСТЕРСКАЯ
ПРИЕМ ВСЕВОЗМОЖНЫХ ЗАКАЗОВ
Б. Б. Ионас.
УЛ. К. ЛИБКНЕХТА (б. СУМСКАЯ) № 24.

У. С. Н. Х.
Кондитерская и шоколадная фабрика
фирмы „ПОК"
Ул. 1-го Мая (б. Московская) 12.
Ежедневно свежие кондитерские и шоколадные изделия.
Принимаются иногородн. заказы.

С. И. Резникова
ПЕРЕШЛА
с Купеческого Спуска
на ул. К. Либкнехта (б. Сумская) № 24.
ПРИЕМ ЗАКАЗОВ
дамских шляп.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР.

„ВЕЧЕР МОЛЬЕРА“.

1. ПРОЛОГ.

Мольер . . . . . Г. Е. Леондор.
Флоридор, любовник . . Н. В. Веселов.
Комик . . . . . Г. К. Холмский.

Актеры, актрисы.

2. „ТАРТЮФ“.

Ком. в 5 действ. с интермедиями.

Г-жа Пернель . . . . . Н. С. Герасимова.
Оргон, ее сын . . . . . А. И. Зражевский.
Эльмира, его жена . . . А. Ф. Сальникова.
Дамис — дети Оргона — Б. Я. Петкер.
Мариана — дети Оргона — А. П. Троицкая.
Клеант брат Эльмиры . С. Б. Межинский.
Валер, жених Марианы Э. И. Каминка.
Тартюф . . . . . В. М. Петина.
Дорина, горн. Марианы О. А. Жизнева.
Флипота, служанка г-жи Пернель . . . . Р. М. Бенская.
Лоайаль, судебный пристав . . . . . Н. О. Харченко.
Полицейский . . . . . В. А. Акимов.

ИНТЕРМЕДИИ:

1. «Танец слуг»—Е. В. Власова, Н. В. Веселов. *2. «Танец любви»*—Р. Н. Бенская, А. И. Баткина, Б. В. Плетнев. *3. Танец рогоносцев*—Е. В. Власова, З. А. Лихолет, В. А. Акимов. *4. Танец шутов*—А. И. Баткина, Н. В. Веселов, Б. В. Плетнев.

3. ПАНТОМИМА.

Молодой цыган . . . . Б. В. Плетнев.
Смуглокожие цыганки — А. И. Баткина, А. П. Троицкая, Е. В. Власова.
Старый цыган . . . . М. А. Быканов.
Маркиз Биттон . . . . Б. Я. Петкер.
Бланшетта, его жена . З. А. Лихолет.
Толпа на ярмарке Р. Н. Бенская, Л. С. Ковалева, А. М. Самойлова, О. Л. Кутырева, С. П. Горская, П. Т. Щербакова, Е. В. Мартильская, Н. О. Харченко, Ф. А. Димант, Н. В. Добровольский, Ф. М. Барильотти, А. Р. Голембо, А. К. Котляров и друг.

4. „Г-н де ПУРСОНЬЯК“.

Ком. в 3 действ. с интермедиями.

Г-н де Пурсоньяк . . . В. А. Владиславский.
Оронт . . . . . Г. К. Холмский.
Юлия, дочь Оронта . . Е. В. Власова.
Эраст, влюбленный в Юлию . . . . . Г. Е. Леондор.
Нерина, мнимая цыганка интриганка . . . Л. Я. Гурович.
Люсетта, мнимая гасконка . . . . . Т. А. Хорват.
Сбригани, неаполитанец интриган . . . . . Н. В. Веселов.
Первый доктор . . . Н. М. Новлянский.
Второй доктор . . . . Э. И. Каминка.
Аптекарь . . . . . А. К. Котляров.
Крестьянин . . . . . Н. В. Добровольский.
Крестьянка . . . . . О. Л. Кутырева.
4-й швейцарец . . . . В. А. Акимов.
2-й швейцарец . . . . Ф. А. Димант.
Полицейский чиновник М. А. Быканов.

1. МЕДИЦИНСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ.

1-й доктор . . . . . Д. Л. Кара—Дмитриев.
2-й доктор . . . . . З. И. Каминка.
Пурсоньяк . . . . . В. А. Владиславский.

2. ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ.

1-й адвокат . . . . . Б. Я. Петкер.
2-й адвокат . . . . . Н. О. Харченко.
Поп — эксперты — В. А. Акимов.
Ксенда — эксперты — Д. Л. Кара—Дмитриев.
Мулла — эксперты — С. Б. Межинский.
Раввин — эксперты — Ф. А. Димант.

Режиссер: *В. Б. Вильнер.*
Помощник режиссера: *С. И. Каминка.*
Декоратор-художник *П. И. Андрияшев.*

Постановка пантомимы и танцев **В. Б. Плетнев.**
Музыка **И. И. Дунаевского.**
Интермедии **М. Коссовского.**

ПРОИЗВОДСТВО ШВЕЙНЫХ НИТОК
НИТОЧНОЙ МАНУФАКТУРЫ „СЛАВА“
КОНТОРА: Харьков, Благовещенская ул. № 8.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ.

КАНЦЛЕР и СЛЕСАРЬ

пьеса в 10 карт.

ИСПОЛНИТЕЛИ:

Император Норландии	В. М. Петина
Граф Дорибак фон Турау, канцлер Норландии	Н. Н. Рыбников
Графиня, его жена	С. Т. Строева-Сокольская
Лео, их дети	Е. А. Боронихин
Роберт, их дети	Г. К. Холмский
Лара, жена Роберта	Л. С. Полевая
Франк Фрей, адвокат	Н. Н. Васильев
Генерал Беренбер	А. И. Зражевский
Граф Гаммер, крупный капиталист	В. А. Владиславский
Петлиц, секретарь канцлера	Н. В. Веселов
Флигель ад'ютант императора	Г. Е. Леондор
Граф Гаторп	С. А. Соколов
Графиня Митси, его жена	О. А. Жизнева
Г-н Каппен, крупный капиталист	В. А. Вересанов
Клерхен, его жена	А. Ф. Сальникова
Макс Штарк, старый коммунист	С. Б. Межинский
Эмма, его жена	Е. А. Оларская
Фриц, их дети	Д. А. Кара-Дмитриев
Юлиус, их дети	А. И. Баткина
Анна, невеста Фрица	А. П. Троицкая
Зеверл, друзья Фрица	В. А. Акимов
Якоба, друзья Фрица	Ф. А. Димант
Бибер, старик	Г. М. Готарский
Капитан, Лагерь Фрица Штарка	В. Н. Добровольский
Летчик, Лагерь Фрица Штарка	М. Быканов
Молодой коммунист, Лагерь Фрица Штарка	А. Р. Голембо
Виртуоз Радефи, Лагерь Фрица Штарка	Б. Я. Петкер
Молодой секретарь в доме канцлера	Н. М. Новлянский
Курьер в доме канцлера	Н. М. Харченко
Полковник Окрейц, начальник штаба Лео	Н. И. Харченко
Капитан	Ф. И. Каминка
Молодой офицер	А. К. Котляров
Вестовой	А. Е. Кржижевский
Господин	А. К. Котляров
Горничная Каппена	О. Л. Кутырова
Гарсон, буфетчик	Б. Я. Петкер
1 Газетчики	Р. С. Бенская
2 Газетчики	Л. Я. Гурович

Гости, солдаты, рабочие, народ.

Режиссеры *Н. Н. Синельников* и *В. Б. Вильнер*

Пом. реж. *С. И. Каминка*

Дек. худож. *П. И. Андрияшев*

Зав. монт. частью *А. И. Синицкий*

Музыка *И. И. Дунаевского.*

Н. ЕВРЕИНОВ.

САМОЕ ГЛАВНОЕ.

Для кого комедия, а для кого и драма в 4 д.

Параклет — что значит; советник, помощник, утешитель	Н. Н. Васильев
Гадалка, личины Параклета	Н. Н. Васильев
д-р Фреголи, личины Параклета	Н. Н. Васильев
Шмит, личины Параклета	Н. Н. Васильев
Монах, личины Параклета	Н. Н. Васильев
Арлекин, личины Параклета	Н. Н. Васильев
Директор провинц. театра	С. А. Соколов
Режиссер	В. Л. Вересанов
Суфлер	А. Р. Голембо
Электротехник	Ф. А. Димант
Актер на роли любовников	Е. А. Боронихин
Танцовщица-босоножка	
его жена	Л. С. Полевая
Комик	В. А. Владиславский
Исполнители ролей, артисты провинциального театра: Нерона	С. В. Межинский
Петрония	Н. И. Харченко
Лукана	В. А. Акимов
Поппеи-Сабины	Ц. М. Карская
Лигии	Т. А. Хорват
Криспиниллы	Е. В. Власова
Нигидии	Л. Я. Гурович
Хозяйка меблир. комнат, жильцы меблир. комнат	А. Н. Медведева
Ремингтонистка ее дочь, жильцы меблир. комнат	Л. А. Огиевская
Ч=новник в отст., жильцы меблир. комнат	В. Я. Петкер
Студент, его сын, жильцы меблир. комнат	И. Я. Орлов
Классная дама, жильцы меблир. комнат	Н. С. Герасимова
Дама с собачкой, Супруги троеженца	А. Ф. Сальникова
Глухонемая, Супруги троеженца	К. А. Шитова
Падшая, Супруги троеженца	А. П. Троицкая

Когда заговорит сердце.

Комедия в 3 д. Ф. Крауссе.

Маркиз-де-Миран Шарвиль	В. А. Владиславский
Маркиза-де-Миран Шарвиль	М. С. Зимина
Елена, их дочери	Л. С. Полевая
Жакелина, их дочери	Е. В. Власова
Альберт муж Жакелины	Г. Е. Леондор
М-те Флори мать маркизы	А. Н. Медведева
Барон Люсьен д'-Узье	В. Л. Вересанов
Бобби, его сын	Р. С. Бенская
Парено	А. И. Зражевский
Фалуаз, скульптор	С. А. Соколов
Буржо секретарь маркизы	Б. Я. Петкер
Робер Левантье	В. М. Петина
Де-Софтэр	Н. М. Новлянский
Виконт де-Дроссэ	Э. И. Каминка
Дюкре	В. А. Акимов

Режиссер *В. Б. Вильнер.*

Пом. реж. *С. И. Каминка.*

ТЕАТР ГОСОПЕРЫ.

ГУСАРСКАЯ ЛЮБОВЬ

Оперетта в 3 дейст. муз. Кальмана.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фельдмаршал Фон-Логинай		Заягинцев
Илька, его дочь		Пилецкая
Баронесса Риза Фон-Мирбах		Сокольская
Ротмистр фон-Эммерих	Гусары	Нератов
Штаб-ротмистр Лоренти		Таганский
Лейтенант Элекес		Леонидов
Оберлейтенант Штурфельд		Соловьев
Лейтенант Фельсек		Трубов
Валлерштейн, прапорщик запаса		Данильский
Морози, вольноопред.		Наровская
Тури, фельдфебель		Ага-Бек
Штарке, управляющий баронессы		Толин
Лайш, слуга баронессы		Форин
Мадам фон-Берген		Каренина

Ад'ютанты, гусары, пехотинцы, гости

Постановка Ф. С. Таганского.

Во 2-м акте Большой балет

„ЧАРДАШ"

под упр. П. К. Иоркина. Дирижер Эльнон.

ПАЯЦЫ

опера в 2-х действиях муз. Леонковалло.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Недда, в комедии Коломбина	Степанова-Шевченко.
Канио, в комедии Паяц	Кипаренко-Доманский
Тонио, в комедии Таддео	Книжников.
Пеппе, в комедии Арлекин	Идзинский.
Сильвио, крестьянин	Котов.
Крестьянин I	Беляев.
Крестьянин II	Енохович.

Дирижер А. Львов. Постановка А. Я. Альтшулера

Севильский Цирюльник

опера Россини в 3-х д.

Розина	Холодная
Альмавива	Синицкий
Бартоло	Альтшулер
Базилио	Каченовский
Фигаро	Книжников
Фиорелло	Енохович
Берта	Кравченко
Офицер	Беляев

Дирижер *Львов.* Балетм. *Иоркин.*

Коппелия

Балет в 2-х действ. муз. Делиба

Дирижер *Львов.* Постан. *Иоркина.*

Театр рабочих металлистов

СТОЛИЧНЫЙ ВОЗДУХ

ком. в 4-х д. Корша

Милюшин	Дмуховский
Таня	Добровольский
Нестеров	Васильковский
Евгения Борисовна	Зиновьева
Петя Бежин	Радич
Верховский	Хлебников
Белопольский	Васильев
Поликсена	Шумская

Пост. *Хлебникова.*

Театр рабочих металлистов.

ЗВЕЗДА

ком. в 5 д. Г. Бара.

Лена Лидинцер	Воскресенская
Леопольд Визингер	Каратов
Марта	Афанасьева
Герта	Добровольская
Доктор Рор	Хлебников
Индра	Оленин
Вишдак	Черкаш
Цинзер	Шумская
Бловиц	Думский
Морель	Уваров
Франц	Радич
Мари	Кульчицкая

Пост. Добровольской.

МАГАЗИН БЕЛЬЯ Д. М. ГОРОДЕЦКОГО ПАССАЖ № 3-4 с главного хода на лево

Получены в большом выборе ЖАКЕТЫ моднейших фасонов, ШЕЛК, трико для платьев, дорожн. вещи, кожан. издел., чулки, перчатки, косметика и много др. тов.

Цены без запроса.